

Э. А. Па ни

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИИ
И СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ
(постановка вопроса)**

Советская этнографическая наука все больше внимания уделяет изучению современности, решению практических задач, стоящих перед нашей страной. Это отвечает требованиям, предъявляемым к ученым-обществоведам решениями июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

Наверное, немного найдется этнографических работ, в которых бы не отмечалось, что их результаты могут найти практическое применение. Однако реально на это рассчитывать могут, как нам представляется, лишь те из них, в программе которых специально предусмотрено решение вопросов, интересующих конкретную область практической деятельности. Постановка таких вопросов требует знания проблем и некоторых особенностей развития данной области.

Опыт работы автора в научно-проектных институтах, занимающихся изучением, планированием и проектированием сети сельских поселений, показывает, что в практике переустройства сел возникают проблемы, компетентное решение которых связано с проведением этнографических исследований. Основная задача статьи заключается в рассмотрении некоторых новых предметных зон в традиционной для этнографии области — исследовании сельских поселений и в анализе возможностей применения полученных результатов в практике переустройства сел. Но прежде представляется целесообразным кратко, в самых общих чертах, охарактеризовать происшедшие в последние годы изменения в концепции совершенствования сети сельских поселений, которые и определили необходимость постановки новых исследовательских задач.

До конца 70-х годов в практике переустройства сел господствующим был принцип целенаправленной концентрации населения и необходимых для его жизнеобеспечения материальных объектов в ограниченном числе сельских населенных пунктов, в так называемых «перспективных» поселках. В них должны были переселиться жители всех прочих, «неперспективных», сел. Считалось, что только такие мероприятия создавали возможность для наиболее полного удовлетворения потребностей сельских жителей.

Появление концепции «форсированного укрупнения сел» было вызвано многими причинами, в том числе уровнем знаний о процессах и структуре расселения. Так, сельские поселения рассматривались как автономные, самообеспечивающиеся образования «со всеми необходимыми условиями и оборудованием для жизни, труда и отдыха людей»¹. Понятно, что ориентация на полное самообеспечение отдельно взятого поселения неизбежно приводит к идее укрупнения сел. Ведь в малых селах с населением до 100 человек практически невозможно создать весь комплекс условий жизнеобеспечения, а такие селения еще в 1979 г. составляли свыше 60% сельских населенных пунктов.

Ограниченность знаний о сельском расселении проявлялась также в том, что в поле зрения исследователей были лишь формы расселения (размеры поселений, планировочная организация их, взаиморасположе-

¹ Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977, с. 82.

ние и т. д.). Естественно, поэтому, прогресс в сельском расселении связывали только с изменением сложившихся форм, прежде всего с укрупнением сел.

Необходимость укрупнения обосновывалась и априорными утверждениями об отставании уровня территориальной концентрации населения от уровня концентрации сельскохозяйственного производства.

Наконец, концепция укрупнения вытекала из весьма упрощенного представления о взаимосвязи между развитием материальной среды отдельных крупных сел и миграциями населения. Считалось, что ограниченности возможности строительства в «неперспективных» селах и концентрации объектов производственного и непроизводственного назначения в «перспективных» — достаточное условие для перераспределения населения между ними. На практике же оказалось, что такая мера может лишь усилить миграцию сельских жителей в города.

Исследования последних лет и опыт переустройства сел показали ограниченность, а в некоторых случаях и ошибочность, ряда бытовавших концепций совершенствования сельского расселения.

Во многом устарела идея самообеспечения сел. Материальная среда не только малых, но даже сравнительно крупных поселков с населением, превышающим 500 человек, все меньше отвечает нуждам сельских жителей. Значительную часть трудовых и культурно-бытовых потребностей сельские жители удовлетворяют в ближайшем городе. Что касается связей между поселениями конкретного хозяйства (колхоза, совхоза), то они составляют одну из основ организации производственного процесса. Естественно, сельский житель, посещая по крайней мере несколько раз в неделю центральную усадьбу своего колхоза или совхоза, пользуется имеющимися там учреждениями обслуживания. Тенденция роста межпоселенных маятниковых поездок отмечается повсеместно².

Современная концепция совершенствования сети сельских поселений, положенная в основу Генеральной схемы расселения на территории СССР³, ориентирована на создание необходимого комплекса условий жизнеобеспечения людей не в отдельно взятом населенном пункте, а в системе расселения. Важная роль отводится городам-центрам системы и кооперации производственного и социокультурного потенциала совокупности сельских населенных пунктов определенной территории.

В Генеральной схеме расселения предусматриваются три основных направления включения сельских поселений в системы расселения.

Сельские поселения, расположенные в зоне влияния больших городов (на расстоянии 1,5—2 ч. езды), будут образовывать с городами единые сельско-городские агломерации. Учитывая сложившиеся тенденции, можно предположить, что на территории последних к 2000 г. будет проживать не менее 45% сельского населения страны. Наиболее благоприятные условия для формирования таких агломераций сложились в Прибалтике, на Украине, в Молдавии и в районах долин и оазисов Средней Азии. В этих регионах уже сейчас свыше половины сельского населения проживает в пригородных зонах. Несколько ограниченнее возможности развития сельско-городских агломераций в Закавказье и Урало-Поволжском экономическом районе и наименее благоприятные — в Сибири и на Дальнем Востоке.

Для большей части территории СССР основным типом систем расселения в сельской местности останутся так называемые «местные системы». Каждая из них охватывает территорию сельского административного района и возглавляется районным центром. В перспективе 85—90% районных центров станут городами и поселками городского типа. В больших по территории районах, где поездки в районный центр даже при условии совершенствования транспортного обслуживания потребуют много времени (свыше 45 мин.), предусматривается формирование мест-

² См. Маятниковая миграция сельского населения. М.: Финансы и статистика, 1981.

³ См. Фомин Г. И. Научные основы и пути развития Генеральной схемы расселения на территории СССР.— В кн.: Современные проблемы географии. М.: Наука, 1976.

ных систем расселения с так называемой «развернутой иерархией центров»: в дополнение к районному центру будут создаваться его дублеры — кустовые центры. В зону влияния кустовых центров попадут сельские поселения нескольких (двух-трех) соседних хозяйств, расположенных на периферии района.

В слабозаселенных и трудноосваиваемых районах севера Европейской части СССР, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и некоторых других регионов страны определенное время будут существовать сравнительно автономно развивающиеся внутрихозяйственные системы расселения. Во всех прочих регионах сеть поселений одного колхоза или совхоза рассматривается как составная часть, первичное звено сельско-городских агломераций или местных систем расселения.

При системном подходе теряют актуальность многие вопросы, ранее считавшиеся ключевыми в прикладных исследованиях сельских поселений и расселения, например вопрос об оптимальных размерах населенного пункта. В то же время возникают новые вопросы: о территориальных границах зон влияния центров систем расселения, допустимых затратах времени сельских жителей на межпоселенные поездки, соотношении уровней развития материальной среды центров и прочих поселений, входящих в системы расселения, и др.

Изменяются акценты в изучении форм и функций поселений. Современная концепция расселения исходит прежде всего из необходимости целенаправленного развития функций сельских поселений в территориальной организации производства, управления, общественного обслуживания.

Формируются новые функциональные типы сельских поселений, например агропромышленные. В них размещаются предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, крупные учреждения и предприятия обслуживания, аппарат управления агропромышленным комплексом. Все большее распространение в сельской местности получают рекреационные поселения, а также населенные пункты, в которых размещаются филиалы сельскохозяйственных научно-исследовательских и учебных заведений, опытные хозяйства, агробиологические станции, совхозы-техникумы. Перечисленные типы сельских поселений отличаются от традиционных аграрных более широким выбором мест приложения труда, лучшими бытовыми условиями, более урбанизированной социальной средой. Расширение социально-экономических функций сельских поселений способствует улучшению условий жизни населения и при этом не требует в качестве обязательного условия преобразований сложившихся форм расселения. Системы расселения могут быть приспособлены к исторически сложившимся формам расселения.

Одной из важнейших черт современного подхода к переустройству сети сельских поселений является более тесная взаимоувязка общих, региональных и местных (локальных) требований, предъявляемых к развитию сельского расселения. Это стало возможным с введением в практику многостадийной формы планирования и проектирования систем расселения.

Первая стадия — разработка Генеральной схемы расселения, в которой определяются общие направления развития городских и сельских поселений с учетом задач и конкретных планов социально-экономического развития страны и ее макрорегионов: Европейской части и Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. Следующая стадия — региональные схемы расселения. В них общие принципы развития поселений и систем расселения детализируются применительно к условиям республик и внутриреспубликанских регионов. Далее — схемы и проекты районной планировки, предназначенные для использования в каждом административном районе и содержащие конкретные предложения о количестве, размерах, функциональной структуре и системных связях сельских поселений. В порядке эксперимента вводится новая стадия проектирования — внутрихозяйственная планировка, определяющая развитие поселений колхоза или совхоза. Завершающая ста-

дия проектирования — детальный проект планировки и застройки отдельного населенного пункта.

Представляется, что наиболее широкая область практического использования результатов этнографических и этносоциологических исследований сельских поселений — региональное и локальное планирование и проектирование.

Одной из малоизученных и вместе с тем чрезвычайно актуальных является проблема региональных особенностей формирования систем расселения. Хотелось бы остановиться лишь на двух аспектах этой большой и весьма многогранной проблемы: на связях между населенными пунктами, входящими в системы расселения, и функциях поселений — центров таких систем. В решении этих вопросов важную роль должны сыграть этнографические и этносоциологические исследования, поскольку этнокультурные и этносоциальные факторы в ряде регионов страны оказывают существенное влияние на условия формирования систем расселения. Примером может служить Средняя Азия.

Своеобразие сложившихся здесь условий формирования систем расселения состоит уже в том, что это один из немногих регионов страны, где численность сельского населения возрастает. Явление это во многом обусловлено этническими факторами. Известно, что характерные черты сложившейся в Средней Азии демографической ситуации — высокий естественный прирост населения в сочетании с низкой миграционной подвижностью — присущи только сельским жителям коренных национальностей региона: узбекам, таджикам, каракалпакам и др., в то время как, например, у проживающих в Средней Азии русских показатели рождаемости, размера семьи, миграционной подвижности практически такие же, как и в РСФСР⁴.

Этносоциологические исследования 1977—1978 гг. в Узбекской ССР, в которых участвовал и автор данной статьи, показали, что в Средней Азии сохраняются значительные различия между сельскими жителями коренных и некоренных национальностей в характере маятниковой миграции⁵.

Проведенные исследования дают, на наш взгляд, некоторые общие представления о возможных сферах проявления этнических особенностей развития связей между сельскими и городскими поселениями. Эти особенности могут проявляться:

1. В общем уровне маятниковой подвижности различных национальных групп сельского населения. Так, среди обследованных в 1977—1978 гг. сельских жителей доля лиц, едущих в город на работу, составила у русских 5%, у узбеков — 2,1, у каракалпаков — всего 1,3%.

2. В целях межпоселенных поездок, прежде всего в различных сочетаниях трудовых маятниковых перемещений и поездок для удовлетворения культурно-бытовых запросов.

3. В частоте, периодичности поездок. Например, для респондентов русской национальности характерны преимущественно повседневные и еженедельные поездки, для узбеков и каракалпаков — ежемесячные и реже.

4. В величине ареала межпоселенных связей. Так, в Каракалпакии, по данным нашего обследования, ареал повседневных межпоселенных связей ограничивается в основном территорией внутривоспроизводственных систем расселения (колхоза, совхоза). Более того, в ряде районов этой автономной республики значительная часть сельских жителей относительно редко ездит в культурно-бытовых целях даже на центральную усадьбу, несмотря на то что здесь преобладают малые селения, в кото-

⁴ *Ата-Мирзаев О. Б.* Региональные проблемы урбанизации и расселения. Ташкент: Фан, 1978, с. 135.

⁵ Исследования проводил Центральный институт сельского гражданского строительства в 14 районах Узбекской ССР. По статистическим материалам и результатам социологического опроса сравнивались показатели территориальной мобильности трех групп сельского населения: узбеков, каракалпаков и русских.

рых нет элементарных учреждений бытового обслуживания. В основной полосе расселения Средней Азии — в долинах и оазисах — складываются не только внутривоспроизводственные, но и межхозяйственные связи; сравнительно регулярный характер носят поездки сельских жителей в районные центры. В пригородах крупных городов, прежде всего Ташкента, границы территориальной среды жизнедеятельности сельского населения шире, чем в других обследованных районах Узбекистана. Здесь получили наибольшее развитие связи сельских жителей с городами. Однако даже в урбанизированных сельских районах Ташкентской области маятниковая подвижность представителей коренных национальностей имеет свои особенности.

По результатам многих обследований, проведенных в Европейской части страны и в Западной Сибири, установлено, что интенсивные повседневные связи сельских жителей с городами такого масштаба, как Ташкент, сохраняются в радиусе до 50—60 км, или, если перевести это расстояние во время с учетом скорости движения общественного транспорта, в радиусе 1,5—2 ч. езды до города. В Ташкентской области радиус маятниковой подвижности сельских жителей коренных национальностей значительно меньше. Поездки на работу в Ташкент сельских жителей-узбеков носят сравнительно массовый характер на территории в радиусе 15—17 км от города и практически не наблюдаются в узбекских кишлаках, удаленных от города более чем на 35 км. Одновременно в тех же районах зафиксированы ежедневные поездки на работу в Ташкент русских, проживающих в 60—70 км от города.

Принято считать, что сельские жители предпочитают поездки на работу в крупные города. Однако, судя по результатам проведенного нами обследования в Узбекской ССР, сельские жители коренных национальностей этой республики отдают предпочтение малым городам, рабочим поселкам и особенно селам агропромышленного типа. Например, среди лиц, приезжающих из села на работу в Ташкент, узбеки составляют лишь 30%; среди приезжающих в поселки городского типа — около половины (47%); в сельские поселения, имеющие промышленные предприятия, — 69%. В той же Ташкентской области отмечена прямо противоположная направленность трудовых маятниковых поездок русских. Они предпочитают работать в Ташкенте, часто затрачивая на дорогу больше времени, чем потребовалось бы на поездку в ближайший малый город.

Факторы, обусловившие отмеченные особенности маятниковой подвижности сельских жителей разных национальностей, требуют специального изучения. Имеющаяся информация позволяет высказать лишь предположения о роли некоторых из них.

Вероятно, этнокультурные традиции оказывают косвенное влияние на развитие маятниковой подвижности. Традиции могут определять предпочтения выбора видов труда, особенности структуры семьи, бюджета времени. В свою очередь эти факторы уже непосредственно влияют на характер маятниковой миграции. Так, в многодетных узбекских и каракалпакских семьях весьма существенны затраты времени на работы по дому, личное подсобное хозяйство, уход за детьми, особенно учитывая обычно недостаточный уровень развития сферы обслуживания в среднеазиатских кишлаках и аулах. Представляется, что при сложившейся структуре затрат времени сельских жителей коренных национальностей Средней Азии дорога на работу не может отнимать у них более 30—40 мин. (в одну сторону), поэтому и радиус повседневных поездок, как правило, не превышает 15—17 км.

Предпочтение, которое маятниковые мигранты коренных национальностей этого региона отдают небольшим городским поселениям и особенно селам, объясняется не только желанием сэкономить время на дорогу, но еще и преимущественной однородностью национального состава жителей в них (в отличие от крупных городов). Работа в поселениях с привычной национальной средой позволяет сельским жителям, например узбекам, использовать не только в быту, но и на производстве родной язык.

Понятно, что по мере углубления общих социальных сдвигов такого рода предпочтения будут в значительной степени сглаживаться. Однако сейчас, как показывает практика, внимательное отношение к ним дает положительные результаты. Так, учет особенностей маятниковой подвижности сельских жителей коренных национальностей Средней Азии послужил одним из оснований для принятия местными органами власти решения о переносе некоторых промышленных предприятий из столичных и областных городов в сельскую местность — в районные и межколхозные центры, а также на центральные усадьбы колхозов и совхозов. Эти мероприятия обеспечивают более рациональное использование трудовых ресурсов села, создают благоприятные условия для профессиональной ориентации и профессионального обучения сельской молодежи. По оценкам социолога Д. И. Зюзина, доля лиц коренных национальностей Средней Азии, занятых в промышленности, составляет в городе 36%, а в сельской местности почти вдвое больше — 67,4%⁶.

Важное практическое значение могут иметь исследования влияния этнокультурных и этносоциальных факторов на особенности роли и функций поселений-местных (локальных) центров в разных историко-культурных районах страны.

Этнические факторы способны определять особенности даже производственных функций поселений-локальных центров. Например, исследования, проведенные в Нечерноземной зоне РСФСР, показали, что в этом регионе нецелесообразно размещать в районных центрах крупные промышленные предприятия, не связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, поскольку это еще более усилило бы миграционный отток сельского населения⁷. Местные центры здесь должны иметь преимущественно агропромышленные функции. В то же время сложившаяся в Средней Азии этнодемографическая ситуация позволяет локальным центрам выполнять индустриально-промышленные функции. Как уже отмечалось, размещение в таких поселениях промышленных предприятий не противоречит интересам населения и полностью отвечает потребностям производства.

Еще большим может оказаться влияние этнических факторов на социокультурные функции поселений. Весьма перспективны исследования роли и функций поселений-местных центров в распространении на селе норм городской культуры.

В социологии и социальной географии давно известен процесс, получивший название «каскадной диффузии новшеств»⁸. Сущность этого процесса заключается в том, что новые нормы культуры распространяются как бы по ступенькам, от крупного города к среднему, от среднего к малому и так вплоть до мельчайших деревушек сельской глубинки. Нам представляется, что в тех историко-культурных районах, где пока еще не получили широкого распространения прямые контакты сельских жителей с крупными городами и сравнительно узок ареал межпоселенных связей, роль поселений-местных центров наиболее значительна. Чем гуще сеть таких поселений, тем, вероятно, быстрее распространяются нормы городской культуры.

Требуют изучения функции и роль поселений-местных центров в процессах территориального перераспределения населения. Роль таких поселений должна быть особенно велика в тех районах, где под влиянием комплекса факторов, в том числе этнокультурных, получила распространение особая форма миграции, которую В. В. Покшишевский называет «ползучей» или «поэтапной»⁹. Она осуществляется путем посте-

⁶ Зюзин Д. И. Причины низкой мобильности коренного населения республик Средней Азии.— Социол. исслед., 1983, № 1, с. 113.

⁷ Култышева Г. А. Социально-демографическое развитие малых городов как районоорганизующих центров (в условиях Нечерноземной зоны РСФСР). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. М.: МГУ, 1984.

⁸ Хаггер П. География: Синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979.

⁹ Покшишевский В. В. Картографирование миграций и его этнические аспекты.— В кн.: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978, с. 89.

пенного перемещения жителей из сельских поселений в соседний рабочий поселок или в малый город — локальный центр, а из него, обычно после приобретения городской профессии и общей адаптации к городскому образу жизни, — в более крупный город.

Вероятно, наибольший интерес для этнографов должны представлять вопросы, связанные с изучением роли и функций локальных центров в интеграции этнических общностей. Например, в Хакасской автономной области сформировался сравнительно обособленный ареал расселения хакасов в границах Аскизского района и непосредственно прилегающих к нему небольших участков территории двух соседних районов: Таштыпского и Бейского. Только здесь хакасы составляют большинство населения, живут в преимущественно однородных по национальному составу населенных пунктах и в наибольшей мере сохраняют свои этнокультурные традиции. Хакасы — сельские жители соседних с Аскизом районов часто предпочитают использовать предприятия и учреждения культурно-бытового обслуживания не собственного районного центра, а с. Аскиз. Между тем в Бейском и Таштыпском районах имеются города (Саяногорск, Абаза), предоставляющие сельским жителям значительно больший выбор мест приложения труда и учреждений обслуживания, чем с. Аскиз. Пока причины привлекательности Аскиза недостаточно ясны. Это в свою очередь затрудняет разработку предложений, направленных на усиление его интегративных функций. Практическая актуальность таких мероприятий не вызывает сомнений. Прочные внутриаэтнические связи способствуют формированию своеобразной демографической ситуации. На указанной территории выше, чем в других районах автономной области, показатели естественного воспроизводства населения, что благоприятно сказывается на балансе трудовых ресурсов, в которых Хакасия испытывает острый дефицит. Следовательно развитие Аскиза как центра локальной системы расселения способствовало бы не только более полному удовлетворению потребностей местных жителей, но и решению экономических задач региона. Аналогичные мероприятия были бы оправданы и во многих других районах страны, например, в Каракалпакской АССР. Здесь, так же как и в Хакасии, сельские жители основной национальности — каракалпаки составляют большинство населения лишь в некоторых административных районах, в первую очередь в Чимбайском и на прилегающих к нему территориях. Поэтому Чимбай вполне мог бы претендовать на роль межрайонного центра.

Видимо, требуются специальные исследования и обсуждения вопроса об интегративных функциях систем расселения для сравнительно обособленных этнических ареалов, не имеющих четко очерченных административных границ, например, для территорий нескольких соседних районов или сельских советов. Думается, в этих условиях формирование систем расселения, прежде всего развитие их центров, может явиться одним из важнейших факторов сохранения целостности небольших этнических общностей.

В изучении системообразующих функций поселений существенное значение имеют историко-этнографические исследования. Дело в том, что статус поселений-центров исторически весьма устойчив. Достаточно сказать, что многие современные районные центры в старообжитых районах Средней Азии и в прошлом выделялись по своему статусу среди основной массы сельских поселений. В Литовской ССР подавляющее большинство существующих районных и микрорайонных (кустовых) центров уже к началу XX в. сформировались как локальные центры сельского расселения¹⁰. Аналогичную картину выявили Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин на материалах Среднего Поволжья¹¹.

О. А. Сухарева и Н. О. Турсунов выделили несколько типов сельских поселений Средней Азии, выполнявших в конце XIX — начале

¹⁰ Шешельгис К. К. Опыт реализации единой системы расселения в Литовской ССР. — В кн.: Проблемы расселения в СССР. М.: Статистика, 1980, с. 160.

¹¹ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Изменение функций сельских поселений на примере с. Тюлячи. — Географический сборник, № 1, Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968.

XX в. функции локальных центров. Это торговые поселения — центры сравнительно больших сельских округ; поселения-крепости (кала), утратившие к указанному времени свои оборонительные функции, но сохранившие роль ремесленно-торговых центров для прилегающих сел; поселения — конфессиональные центры, административные центры и др.¹² Характерно, что все отмеченные авторами поселения и в настоящее время являются наиболее вероятными претендентами на роль центров местных систем расселения. Таким образом, историко-этнографические исследования помогают проектированию современных и перспективных систем расселения.

Включение сельских поселений в системы расселения не означает, что отдельный населенный пункт полностью утрачивает одну из важнейших своих функций — удовлетворение бытовых и культурных потребностей жителей. Основную «ответственность» за реализацию этой функции несет социальная инфраструктура населенного пункта (предприятия и учреждения обслуживания, внутриселковые дороги и транспорт, жилища).

Отдельные компоненты социальной инфраструктуры, например жилища, давно и плодотворно изучаются этнографами, а вот система общественного культурно-бытового обслуживания пока еще не стала предметом этнографических исследований. Между тем практическая потребность в изучении этой сферы жизнедеятельности сельского населения чрезвычайно велика.

Действующие нормативы организации стационарного культурно-бытового обслуживания регионально не дифференцированы. Предполагается, что во всех районах страны села равной величины должны иметь одинаковый комплекс учреждений обслуживания. Такая стандартизация не учитывает исторически сложившихся особенностей образа жизни, различий в культурно-бытовых потребностях разных национальных и этнографических групп сельского населения. Излишняя стандартизация влечет за собой нерациональное использование материальных ресурсов, выделяемых на развитие сферы обслуживания на селе. В одних районах страны строятся учреждения обслуживания, которые затем долгие годы не используются местным населением, в то время как в других районах именно этих учреждений не хватает. Поэтому сейчас ставится задача разработки региональных нормативов развития социальной инфраструктуры поселений, в том числе учреждений культурно-бытового обслуживания.

В решении этой задачи важную роль могут сыграть этнографические исследования. Прежде всего необходимо выявить факторы, определяющие этнические особенности культурно-бытового обслуживания на селе. Это могут быть этнокультурные традиции, этнические особенности социальной и демографической структуры населения, особенности территориальной подвижности и др.

Так, этнические особенности семейных отношений, структуры семьи иногда находят отражение в различии соотношений внутрисемейной и общественной форм организации быта. Этнические различия в возрастной структуре обуславливают разную потребность в организации специализированных видов обслуживания молодежи. Неодинаковое отношение к территориальной подвижности может влиять на соотношение организации обслуживания по месту жительства и за пределами поселений.

Определение сфер проявления этнических особенностей в сельском быту также представляет важную научную и практическую проблему. Принято считать, что по мере индустриализации и урбанизации села сельский быт стандартизируется, поэтому влияние на него этнических факторов ослабевает. Эта точка зрения справедлива лишь отчасти. Те же общие социально-экономические процессы создают предпосылки для

¹² Сухарева О. А., Турсунов Н. О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX — начала XX в. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 10—48.

более полного проявления региональных, национальных, социально-групповых и индивидуальных особенностей в быту. Например, повышение технической оснащенности сельского хозяйства, совершенствование режима труда позволили увеличить бюджет свободного времени сельских тружеников. Реальной стала задача организации их отдыха. А в этой сфере жизни диапазон проявлений этнокультурных особенностей может быть чрезвычайно широк.

Вероятно, во всех сферах быта этнические и историко-культурные особенности могут обусловить различия форм реализации сходных функций. Например, на севере Европейской части СССР, в Сибири и некоторых других районах страны сельские жители, как показывают социологические опросы, преимущественно не испытывают потребности в использовании общепоселковых бань, предпочитая иметь баню на своем приусадебном участке. В то же время у сельских жителей коренных национальностей Средней Азии, Азербайджана и некоторых других регионов сохраняется традиция посещения общественных бань.

Однотипные учреждения обслуживания могут использоваться для разных целей. Так, предприятия общественного питания в одних районах являются преимущественно составной частью организации производственного быта, в других — еще и местом проведения досуга. Первая из этих функций преобладает в районах Центральной России, где сельские жители пользуются столовыми на производственных участках и преимущественно в обеденный перерыв, вторая характерна для Молдавии, Западной Украины, Прибалтики, Средней Азии и ряда других регионов.

При сходстве целей использования однотипных учреждений обслуживания потребность в них может быть неодинаковой. Так, в селах Прибалтики, европейской части РСФСР и многих других регионов страны весьма популярны предприятия химчистки одежды, тогда как в кишлаках Средней Азии к их услугам прибегают пока сравнительно мало.

Различная потребность в одних и тех же учреждениях обслуживания может проявляться в неодинаковой частоте, периодичности их использования. Знание сложившихся у разных социальных, демографических и этнических групп сельского населения стандартов посещения различных учреждений обслуживания особенно важно в практическом отношении. Показатель средней частоты посещений учитывается при определении состава учреждений обслуживания в различных звеньях системы расселения. На нижних ее этажах — в селах — размещаются учреждения обслуживания повседневного спроса, в центрах местных систем расселения — еженедельного и ежемесячного, в центрах более высокого ранга — эпизодического спроса (используемые реже одного раза в месяц).

Существующие строительные нормы и правила не учитывают региональные различия в периодичности использования учреждений обслуживания. Например, клуб во всех районах страны относится к комплексу учреждений еженедельного пользования, прачечная — ежемесячного, кафе и бар — эпизодического. Однако наблюдения показывают, что частота использования однотипных учреждений обслуживания может существенно варьировать в разных историко-культурных районах. Следовательно, одни и те же учреждения могут включаться в разные комплексы обслуживания (повседневные, периодические, эпизодические). Такой вывод, если он подтвердится результатами специальных исследований, будет означать необходимость разработки региональных нормативов развития не только отдельных учреждений, но и всей системы культурно-бытового обслуживания.

Область практического применения исследований этнических особенностей организации социальной инфраструктуры села чрезвычайно широка. Этнографическая информация может быть использована для выбора наиболее рациональных типов зданий культурно-бытового назначения (проектировать баню как общепоселковое сооружение или как надворную постройку, а, возможно, одновременно в обеих формах); для оптимизации размещения учреждений обслуживания (столовые размещать на производственном участке или в центре поселка, в каждом

населенном пункте либо только на центральных усадьбах, или только в кустовых центрах); для определения очередности развития различных видов обслуживания (в одних историко-культурных районах организация службы химчистки и прачечных может входить в число первоочередных задач, в других развитие этих же видов обслуживания целесообразно отложить на определенное время, а высвободившиеся средства использовать на улучшение качества тех видов обслуживания, потребность в которых уже сложилась).

Развитие социальной инфраструктуры сельских поселений планируется на сравнительно отдаленную перспективу (на 20—25 лет). Поэтому важно определить направления эволюции традиционно-бытовой культуры. В этнографии накоплен определенный опыт в изучении динамики традиционной культуры. Особого внимания заслуживают исследования, позволяющие точно определить время, необходимое для распространения культурно-бытовых инноваций, их ареалы, а также факторы, обуславливающие различия в культурной динамике. Практически важно определить социально-экономические и культурные последствия внедрения тех или иных инноваций в быт различных национальных групп сельского населения. Эти последствия не всегда бывают позитивными. Например, сравнительно недавно в азербайджанских селениях появились бани на приусадебных участках. В ряде случаев это было связано с закрытием общественных бань, что зачастую не соответствовало интересам сельских жителей. Кроме того, сооружение нового типа бань (индивидуальных) не всегда оправдано в экономическом и экологическом отношении, поскольку расход воды в совокупности индивидуальных бань поселка выше, чем в одной общественной. Не случайно общественные бани исторически получили наибольшее распространение в районах, испытывавших, да и сейчас испытывающих нехватку водных ресурсов (Средняя Азия, Казахстан, Азербайджан и др.).

Сходные уровни развития материальной среды сельских поселений могут оказывать неодинаковое влияние на социальные и демографические процессы в разных историко-культурных районах страны. Например, отсутствие или слабое развитие некоторых элементов социальной инфраструктуры сельских поселений (жилья, детских учреждений и др.) в РСФСР усиливают миграцию сельских жителей, а в Средней Азии в определенной мере сдерживают ее. Проведенные в Узбекистане социологические исследования показывают, что низкая обеспеченность жильем приводит к увеличению числа больших неразделенных семей, живущих в одном доме и ведущих совместное хозяйство. Члены таких семей, как правило, менее других склонны к миграции. Отсутствие детских садов также ведет к укреплению традиционных семейно-родственных отношений и тем самым сдерживает мобильность населения.

Видимо, нет необходимости доказывать, что этнографическое изучение современных процессов целенаправленного развития сельских поселений имеет большое значение для практики переустройства сел. Однако реальный вклад этнографических исследований в решение этой важной народнохозяйственной и социальной задачи пока недостаточен.

Прежде всего очень мало этнографических работ, посвященных изучению сельских поселений, особенно современных. Теоретико-методические основы таких исследований развиваются медленнее, чем в смежных областях знания, изучающих тот же объект. Вышедшая в начале 50-х годов статья М. Н. Витова и сегодня, пожалуй, является единственной работой, рассматривающей принципы изучения и классификации сельских поселений¹³.

Этнографы, разработавшие детальные методики исследования жилища, значительно меньше внимания уделяют методике исследования поселений и практически не изучают системы расселения в целом.

В статье, обобщающей опыт этнографических исследований сельских поселений в СССР, Т. В. Станюкович отмечает, что «при описании и

¹³ Витов М. Н. О классификации поселений.— Сов. этнография, 1953, № 3.

классификации поселений внимание исследователей сосредоточено на особенностях планировки селений, размещении улиц и т. д.»¹⁴. Таким образом, в центре внимания этнографов находятся морфологические характеристики поселений, их формы. Функции же поселений изучаются недостаточно, а знание именно этого аспекта, как уже отмечалось, особенно важно для современной практики переустройства сел.

Основным предметом этнографического изучения сельских поселений, как правило, является их материальная среда. Значительно слабее изучается социальный субъект поселений — человеческая общность. Такой подход естественен для археологии: он вытекает из основ самой археологической науки. Этнографы же, участвующие в полевых исследованиях, имеют возможность изучать не только материальные условия жизни людей, но и их реальное поведение, потребности, а также достаточно распространенные случаи противоречий между потребностями населения и возможностью их удовлетворения в определенном типе поселений или системе расселения. Устранение этих противоречий — одна из важнейших задач переустройства сел. Этнографы могли бы способствовать ее решению, определяя особенности отношения различных национальных групп сельского населения к сложившейся среде обитания.

Мы не ставили перед собой задачу всесторонне проанализировать современное состояние этнографических исследований сельских поселений, а при беглом обзоре этого вопроса велика вероятность спорных выводов. Однако, думается, не вызовет возражений специалистов вывод о том, что в таких сочетаниях явлений, как: единичное поселение — системы расселения, формы поселений — их функции, материальная среда — социальный субъект населенного пункта, правые части значительно менее изучены, чем левые.

Сравнительно недавно такая ситуация была характерна для всего комплекса наук, изучающих поселения. Раньше других к исследованию процессов функционирования и развития поселений в системах расселения подошла география, ее примеру последовала архитектурно-градостроительная наука. Аналогичные изменения в подходе к изучению сельских поселений могут, как нам кажется, произойти и в этнографии. Такая тенденция обусловлена общим для современной науки процессом упрочения системных принципов в исследованиях сложных многомерных явлений.

В статье затронуты далеко не все аспекты заявленной в ее названии темы. Объясняется это не только ограниченностью объема журнальной публикации, но и желанием сосредоточить внимание на сравнительно малоисследованных вопросах, связанных с такими новыми для современного советского села явлениями, как маятниковая миграция, расширение несельскохозяйственных функций сельских поселений, становление культурно-бытового обслуживания.

Названные явления получили широкое распространение в сельской местности не более 20 лет назад, но несмотря на это в ряде районов страны уже обнаруживаются этноспецифические черты в их развитии. Этот факт представляет существенный научный интерес, поскольку свидетельствует о широком диапазоне проявления этнокультурных и этносоциальных особенностей в жизни современного села. Не менее важен он и для практики переустройства сел. Ведь распространение маятниковой миграции, расширение функций сельских поселений и развитие их социальной инфраструктуры являются важнейшими компонентами формирования систем расселения. Поскольку на эти процессы оказывают влияние этнические факторы, практика планирования и проектирования систем расселения не может их игнорировать. Вместе с тем пока планирующие и проектирующие организации не располагают достаточной информацией, позволяющей принимать соответствующие решения о

¹⁴ Станюкович Т. В. Поселение и жилище. — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 163.

форме и мере учета этих факторов. Поэтому нам представляется, что важнейшей предпосылкой повышения практической отдачи этнографических исследований сельских поселений должно стать накопление фактических знаний не только о традиционных, но и о новых сторонах жизни советского села. Вероятно, следующим шагом в этом направлении могло бы стать участие этнографов в разработке на типологической основе общих принципов целенаправленного развития сельских поселений применительно к условиям этнических территорий различного таксономического уровня, к стадиям развития межнациональных отношений и других этнических процессов. Такая работа, как нам кажется, могла бы способствовать и решению собственно этнографических задач, стимулировала бы развитие теории современных этнокультурных и этносоциальных процессов.

Ю. И. Юдин

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКИ

Происхождение отдельных тематических групп бытовых сказок в русской фольклористике редко было предметом специального изучения. В этом отношении посчастливилось лишь одной разновидности бытовых сюжетов, так называемым сказкам о судьбе. Выяснению их истоков посвящены в значительной своей части крупные, широко известные работы А. А. Потебни и А. Н. Веселовского¹, а также монография А. И. Сонни «Горе и Доля в народной сказке» (Киев, 1906). Менее значительные труды на ту же тему так или иначе соотносятся с наблюдениями и выводами, полно и последовательно представленными в исследованиях названных авторов.

Проблема происхождения бытовых сказок зачастую вообще не осознавалась как научная. Этот вид сказки сплошь и рядом воспринимался как реалистический², отсюда следовало, что его коллизии почерпнуты из непосредственных жизненных впечатлений. В свете современных достижений сказковедения подобные представления выглядят чрезвычайно наивными. Сказка питается традицией, история которой насчитывает даже не столетия, а тысячелетия. Это относится и к русским сказкам о Горе и Доле, о которых идет речь в настоящей статье. Мы ограничиваемся по преимуществу русской сказкой не по каким-то принципиальным соображениям, окончательные выводы при изучении сказки могут быть получены лишь при сопоставлении сказочных сюжетов в международном масштабе. Но прежде чем сопоставлять сказочный материал в таком плане, следует досконально изучить его в национальных границах, чтобы ясно представлять себе, что с чем и каким образом мы будем в дальнейшем сравнивать.

В статье рассматриваются сказочные типы 735 (Две доли) и 735А (Горе (Нужда)) по указателю сюжетов восточнославянской сказки³.

¹ Потебня А. А. О Доле и сродных с нею существах.— Древности. Труды Московского археологического о-ва. Т. I. М., 1865—1867, с. 153—196; Веселовский А. Н. Судьба-Доля в народных представлениях славян (гл. XIII работы: «Разыскания в области русского духовного стиха»).— Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1889, т. XLVI, с. 173—260; *его же*. К развитию народных представлений о Доле (гл. XXIII той же работы).— Там же, Т. LII, № 6, в. 6. СПб., 1891, с. 167—183; *его же*. Несколько новых данных к народным представлениям о Доле.— Этнографическое обозрение, 1891, кн. IX, с. 20—28.

² Бытовые сказки рассматриваются как «реалистические сказки», например, в учебнике Ю. М. Соколова. См.: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, с. 335—342.

³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/ Составители Барраг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л.: Наука, 1979, (Далее Ук.).